

КНИГА ТРЕТЬЯ

КОГДА
ПСЫ
ПЛАЧУТ

Братья Волф

Маркус Зусак

Когда псы плачут

Издательство "Livebook/Гаятри"

2003

Зусак М.

Когда псы плачут / М. Зусак — Издательство "Livebook/Гаятри" ,
2003 — (Братья Волф)

«Когда плачут псы» – третья книга из трилогии «Братья Волф» Маркуса Зусака. Наши чувства странны нам самим, поступки стихийны, а мысли обо всём на свете: о верности крови, о музыке девушек, о руках братьев. Мы улыбаемся родителям, чтобы они думали: всё в порядке. Не всякий поймет, чем мы живем: собачьи бега, кража дорожных знаков в ночи или и того хлеще – тайные поединки на ринге. Мы голодны. Голод терзает нас изнутри, заставляет рваться вперед. Мы должны вырасти; ползти и стонать, грызть, лаять на любого, кто вздумает нам помешать или приручить. Мы братья Волф, волчьи подростки, мы бежим, мы стоим за своих, мы отслеживаем жизнь, одолевая страх. И если не справимся, винить некого.

© Зусак М., 2003
© Издательство "Livebook/
Гаятри" , 2003

Содержание

I	5
2	13
3	18
4	23
5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Маркус Зусак

Когда псы плачут

Особенная признательность Анне Макфарлейн за ее веру в мои строчки

Посвящается Скаут и маме с отцом

I

Наморозить кубиков из пива придумал не я, а подружка Руба.

Начнем отсюда.

Ну а боком это вышло мне, так получилось.

Понимаете, я всегда думал, что настанет момент, и я повзрослею, но тогда он еще не настал. И было, как было.

Я совершенно честно спрашивал себя, придет ли такой час, когда Кэмерон Волф (это я) возьмется за ум. Мне виделись проблески другого меня. Другого, потому что в эти мгновения я думал, что и впрямь стал молодцом.

Правда, впрочем, была плачевна.

Это она, правда, сообщала мне со скребущей беспощадностью, что я остаюсь собой и благополучие мне вообще-то не свойственно. За успех мне приходилось драться, среди отзвуков и набитых троп моего сознания. Редкие моменты путевости мне, можно сказать, приходилось подбирать, как объедки.

Я рукоблудничал.

Чуток.

Ладно.

Ладно.

Постоянно.

(Некоторые говорили мне, что не стоит так вот сразу признаваться в подобных делах, мол, людей можно оскорбить. Что ж, на это я могу сказать одно: чего скрывать-то? Зачем, ведь это правда? Иначе ведь, блин, и смысла нет, верно?

Или есть?)

При этом, конечно, я мечтал, как меня будет трогать какая-нибудь девочка. Мне хотелось, чтобы она смотрела на меня не как на грязного, оборванного – то ли улыбка, то ли оскал – подпёска, который пытается произвести впечатление.

Ее пальцы.

В моем воображении они всегда были нежными, скользили мне по груди к животу. Ее ногти касались бы моих бедер, слегка, от них у меня бежали бы мурашки. Я постоянно это представлял, но не согласился бы, что причиной тут чистая похоть. И вот почему: в моих мечтах руки девушки в конце всегда оказывались у моего сердца. Всякий раз. Я говорил себе, что там я и хочу, чтобы она меня касалась.

И у нас был секс, разумеется.

Нагота.

На всю катушку, хлеставшая через край.

Но когда все заканчивалось, тосковал я по шепоту, по голосу, по человеческому существу, что свернулось бы у меня в объятиях. Только вот реальности в этом не было ни глотка. Я лакал видения и размокал в грезах, я думал, что с легким сердцем утонул бы в женщине.

Боже, да я мечтал о таком.

Я мечтал утонуть в женщине, окутанный волнением и слюнями той любви, которую я мог бы ей подарить. Я хотел, чтобы ее сердцебиение разломало меня своим напором. Такого хотел. Вот чем хотел быть.

Притом.

Не был.

Хлебнуть же мне удавалось лишь мимолетные образы и мои собственные разметанные грезы и надежды.

Ледяные кубики из пива.

Ну конечно.

Знаю, я ушел от темы.

День был теплый для зимы, хотя ветер пробирал. Солнце грело и как бы пульсировало.

Мы сидели на заднем дворе, слушали воскресный футбольный обзор, и я, если честно, разглядывал ноги, бедра, лицо и грудь очередной подружки брата.

Упомянутый брат – это Руб (Рубен Волф), и в ту зиму, о которой я рассказываю, подружки у него менялись, по-моему, раз в месяц или около того. Случалось, я слышал их, когда они с Рубом уединялись в нашей комнате: вопль, крик, стон или даже шепот исступления. Последняя его девушка мне, помню, понравилась сразу. У нее было красивое имя. Октавия. Она была уличной музыканткой и, кроме того, приятным человеком – в сравнении с некоторыми козами, которых Руб приводил домой.

Мы познакомились с ней поздней осенью, субботним вечером в гавани – она играла на губной гармошке, и люди бросали монеты в старую куртку, разостланную у ее ног. Там было немало набросано, и мы с Рубом стояли и смотрели на нее, потому что девушка играла будь здоров как, и гармошка у нее прямо выла. Прохожие останавливались и хлопали, когда она заканчивала играть. И даже мы с Рубом бросили ей мелочь в какой-то момент, следом за стариком с палкой и перед какими-то японскими туристами.

Руб посмотрел на нее.

Она – на него.

Взгляда обычно и хватало, ведь это Руб. Моему брату никогда не надо было ничего говорить или делать. Чтобы понравиться девчонке, ему хватало просто где-нибудь встать, или почесаться, или вообще споткнуться о бордюр. Так оно всегда получалось – и получилось с Октавией тоже.

– Ну а где вообще обитаешь? – спросил ее Руб.

Помню, как при этом в ее глазах плеснула океанская зелень.

– На юге, в Хёрствилле. – Она уже была его. Я точно видел. – А ты?

Руб повернулся и показал.

– Знаешь те загаженные улицы за Центральным вокзалом?

Она кивнула.

– Вот, наш райончик. – Только у Руба эти загаженные улицы могли прозвучать как лучшее место на Земле – и с этих слов у Руба и Октавии началось.

Лучше всего в ней было вот что: она замечала мое существование. Другие смотрели на меня так, будто я досадная помеха между ними и Рубом. А эта всегда спрашивала:

– Как жизнь, Кэм?

А правда такова.

Руб ни одну из них не любил.

Ни об одной не волновался.

Каждую он просто хотел, потому что хотел новую, ведь почему бы не взять новую, получше, на замену прежней?

Нечего и говорить, мы с Рубом не слишком похожи в том, что касается женщин.

И все же.

Октавия мне всегда нравилась.

Мне было хорошо в тот день, когда мы зашли домой и полезли в холодильник, и там обнаружили трехдневный суп, морковь, какая-то зеленая шишка и одна банка «Горькой Виктории». Мы вдвоем склонились и смотрели.

– Шикарно.

Это Руб, ерничает.

– Что *это*? – спросила Октавия.

– Где?

– Зеленая.

– Без понятия.

– Авокадо?

– Великовата, – сказал я.

– Так что *это* за хреновина? – опять Октавия.

– Да не все равно? – влез Руб. Он положил глаз на «Викторию». Пивная этикетка – вот та зеленая вещь, на которую он смотрел.

– Это батина, – сообщил я ему, тоже пялясь в холодильник. Никто из нас не шевелился.

– И что?

– И то, что они с мамой и Сарой пошли к Стиву на игру. Он захочет пивка, когда вернется.

– Ага, но он, может, купит по дороге.

Задев мое плечо грудью, Октавия выпрямилась и отошла. Это было так приятно, что у меня побежали мурашки.

Руб тут же потянулся к пиву и схватил его.

– А мы рискнем, – завил он, – старик все равно последнее время в хорошем настроении.

Тут Руб не соврал.

Годом раньше отец изрядно помаялся, оставшись без работы. Но той зимой у него было работы полно, и я ему время от времени помогал по субботам, если он просил. Руб тоже. Отец у нас сантехник.

Мы уселись за кухонный стол.

Руб.

Октавия.

Я.

И пиво: стоит посередине стола и потеет.

– Ну?

Это Руб спросил.

– Что – «ну»?

– Ну, как с пивом будем, тупица, блин?

– Остынь, а.

Мы все полыбились, ехидно.

Даже Октавия, потому что она уже привыкла к тому, как мы с Рубом общаемся, ну или по крайней мере, как Руб – со мной.

– Разольем на троих? – продолжал Руб. – Или просто пустим по кругу?

Вот тут Октавию и посетила классная идея.

– Как насчет наморозить из него льда?

– Это что, какая-то гадкая шутка? – не понял Руб.

– Конечно, нет.

– Лед из пива? – Руб пожал плечами, прикидывая. – Ну, думаю, на улице, в общем, тепло, а. Где у нас эти пластмасски для льда? Ну, знаешь, с палками?

Но Октавия уже полезла в шкаф и нашла, что нужно.

– Опа. – Октавия усмехнулась (у нее был красивый рот с ровными белыми восхитительными зубами).

– Отлично.

Значит, всерьез.

Руб откупорил пиво и уже собирался разливать – равными порциями, ясное дело.

Тут под руку.

Я.

– Может мы их сполоснем или как-то?

– Зачем?

– Ну они в этом шкафу, может, десять лет лежали.

– И что?

– Да поди запаршивели там, заплесневели все, и...

– Дашь ты мне это драное пиво разлить!?

Мы все опять посмеялись сквозь неловкость, и наконец, осторожненько, Руб разлил пиво по трем контейнерам для льда. И в каждом укрепил палочку, чтобы стояла ровно.

– Вот так, – подытожил он, – хвала Иисусу. – И медленно двинулся к холодильнику.

– В морозилку, – подсказал я.

Он замер с поднятой ногой, медленно, аккуратно развернулся ко мне и сказал:

– Ты серьезно думаешь, я такой клоун, что поставлю пиво, которое только что вынул из холодильника и разлил в *ледяшки*, просто на полку?

– Поди знай.

Он отвернулся и двинулся к холодильнику.

– Октавия, открой, а?

Она открыла.

– Спасибо, дорогая.

– Да не за что.

После этого оставалось только подождать, пока кубики застынут.

Мы немного посидели молча, потом Октавия заговорила с Рубом.

– Может, займемся чем-нибудь? – спросила она.

Для меня это был сигнал смыться – с большинством девиц. Про Октавию, впрочем, я не был уверен. Но на всякий случай все равно смылся.

– Ты куда? – спросил Руб.

– Не знаю точно.

Я вышел с кухни, прихватил куртку и вылез на крыльцо. С порога пояснил:

– Может, на собачьи бега. Или так, поброжу.

– Ясно.

– До скорого, Кэм.

Взглянув на прощание на Руба и, бегло, на Октавию, я увидел желание в глазах обоих. Октавия хотела Руба. А тот – просто девчонку. Все вот так просто.

– Пока, – ответил я и вышел.

Сетчатая дверь хлопнула за моей спиной.

Зашаркал подметками.

Сунул руки в рукава куртки.

Теплые рукава.

Мягкий воротник.

Руки в карманы.

Ладно.

Я пошел.

Скоро вечер пробрался в небо, и город ссутулился. Я знал, куда иду. Не зная, не думая, знал. Я шел к дому одной девушки. Девушки, с которой я познакомился в прошлом году на собачьих бегах.

Ей понравился.

Ей понравился.

Не я.

Ей понравился Руб.

Она даже раз назвала меня недотепой, когда говорила с ним, и я подслушал, как мой брат отхлестал ее словами и отшвырнул прочь.

И вот какое я тогда завел обыкновение: стоять под ее окнами, на другой стороне улицы. Стоял, смотрел, вглядывался, надеялся. И уходил, насмотревшись на задернутые шторы. Ее звали Стефани.

В тот вечер, который я теперь для себя зову вечером пивного льда, я торчал там чуть дольше обычного. Стоял и представлял, как прихожу с ней домой, распаиваю перед ней двери. Упорно представлял, пока проникающая боль не вывернула меня наизнанку.

Я стоял.

Душой наружу.

Плотью внутрь.

– Ну что ж.

Идти оттуда было прилично, потому что она жила в Глибе, а я рядом с Центральным вокзалом, в переулке с мятыми водостоками и железнодорожной линией на задах. Но это, в общем, было привычно – и расстояние, и переулок. В каком-то смысле я даже горжусь, откуда я. Домик-маломерка. Семья Волфов.

Минуты все волочились и волочились куда-то, я шел домой и, увидев отцовский фургон у нас на улице, даже разулыбался.

В последнее время у нас всех все шло, в общем, путем.

У Стива, старшего брата.

У Сары, сестры.

У миссис Волф – несгибаемой миссис Волф, моей матери, которая зарабатывает на жизнь уборкой в чужих домах и в больнице.

У Руба.

У отца.

И у меня.

Почему-то в тот вечер по дороге домой на меня нашла безмятежность. Я был рад за нашу семью, ведь, вроде, выходило, что у нас все отлично. У всех.

Мимо пролетел поезд, и мелькнуло ощущение, будто в нем я могу расслышать весь город. Это чувство налетело на меня и тут же ускользнуло.

Видно, все ускользает.

Приходит к тебе, побудет мгновение и вновь убегает.

Тот поезд мне показался как будто бы другом, и когда он скрылся, во мне словно что-то перевернулось. Я был один на улице, и, хотя тревожиться по-прежнему было не о чем, минута безмятежности прошла, и грусть вскрывала меня медленно и сосредоточенно. Городские огни светили сквозь вечер, тянули ко мне руки, но я знал, что им никогда не дотянуться.

Встряхнувшись, я поднялся на крыльцо. В доме разговаривали про ледяные кубики и исчезновение пива. Я-то планировал свой кубик съесть, пусть даже обычно я банку пива не допиваю. (Утолю жажду и всё, на что Руб однажды сказал: «Так же и я, чувак, но я все равно продолжаю пить».) Идея с кубиками казалась хотя бы более-менее интересной, и мне захотелось поучаствовать и попробовать, что вышло.

– Я собирался его выпить после футбола, – услышал я на пороге голос отца.

Он продолжил, и в этом голосе мелькнула гадская нота:

– И чья это вообще гениальная идея наморозить льда из *моего* пива, виноват, – моего *последнего* пива? Кто это придумал?

Повисло молчание.

Долгое.

Полное.

И наконец.

– Моя, – раздался ответ, как раз когда я перешагнул порог.

Единственный вопрос: а кто это сказал?

Руб?

Октавия?

Нет.

Это был я.

Не спрашивайте, почему, но мне не хотелось, чтобы Октавии досталось от папаши Клиффорда Волфа (словесно, конечно) на орехи. Скорее всего, он бы со всей любезностью ей простил, но рисковать не стоило.

Куда лучше, чтобы он думал, будто это я. Он привык, что я устраиваю всякие нелепости.

– И почему я не удивлен? – отозвался папаша, обращившись ко мне.

Те самые ледышки были у него в руках.

Он улыбался.

Хороший знак, не сомневайтесь.

Тут он рассмеялся и говорит:

– Ладно, Кэмерон, ты не против, если я съем твою порцию, а?

– Конечно, не против.

В такой ситуации всегда ответишь: «Конечно, не против», – поскольку быстро смекаешь, что вопрос на самом-то деле стоит так: «Я съем твой пивной лед или потом отыграюсь на тебе сто раз?» Понятно, лучше не шутить с огнем.

Ледышки были розданы, мы тихонько улыбнулись друг другу, сначала с Октавией, потом – с Рубом.

Руб протянул мне свой лед.

– Куснешь?

Но я отказался.

Я вышел за дверь под отцово:

– А что, вкусно.

Вот гад.

– Ну и где ты шатался? – спросил меня Руб потом в комнате, после ухода Октавии. Мы лежали на кроватях, переговаривались от стены к стене.

– Так, прогулялся.

– В сторону Глиба?

Я поглядел на него.

– В каком смысле?

– В таком смысле, – Руб вздохнул, – что мы с Октавией раз пошли за тобой, просто из любопытства, и видели, как ты стоял напротив какого-то дома и пялился в окошко. А ты типа одинокий чертила, а?

Тут секунды скрутились жгутом, и я расслышал где-то далеко машины, почти беззвучный рев. Дальний. Безучастный к Камерону и Рубену Волфам, обсуждающим, какого черта я торчу под окнами девчонки, которая на меня чихать хотела.

Я слотнул, вздохнул и ответил брату.

– Ага, – сказал я, – наверное, так.

Больше сказать мне было нечего. Нечем отговориться. Потом был хрупкий миг выжидания, правды и волнения, потом трещина – и я закончил:

– Это та Стефани.

– Та сучка, – фыркнул Руб.

– Знаю, но...

– Я знаю, – перебил меня Руб, – неважно, пусть она сказала, что ее от тебя тошнит, или назвала недотепой: ты чувствуешь то, что чувствуешь.

Чувствуешь то, что чувствуешь.

Это была одна из самых истинных истин, которые Руб когда-либо изрекал, и нашу комнату вскоре заволокло молчанием.

С соседского двора донесся собачий лай. Это лаял Пушок, козьявка-шпиц, к которому мы лелеяли неприязнь, но все равно выгуливали несколько раз в неделю.

– Кажись, Пушок немного расстроен, – заметил Руб через некоторое время.

– Ага. – И я тихонько посмеялся.

Типа одинокий чертила. Типа одинокий чертила...

Реплика Руба отдавалась во мне, пока его голос не стал, словно молот.

Потом, когда сидел на крыльце, наблюдая, как тени машин сочатся мимо, я убеждал себя, что это все нормально, пока во мне есть голод. И я почувствовал, будто что-то ко мне приходит. Такое, чего мне ни увидеть, ни узнать, ни понять. Оно просто явилось – и теперь подмешивалось мне в кровь.

Быстро и внезапно сквозь мое сознание посыпались слова. Они падали на дно моих мыслей, и там, на дне, я стал их собирать. Частицы истины, собранные в себе самом.

Даже ночью, в постели, они не дали мне спать.

Прорисовывались на потолке.

Прожигались на холстах памяти, разложенных в моей голове.

Проснувшись наутро, я записал эти слова на обрывке бумаги. И для меня в то утро мир поменял цвет.

Слова Кэмерона

Легко таким, как я, ничего не достается.

Это не жалоба.

Правда, как есть.

Одна неувязка: у меня по дну мыслей расплесканы видения. Там у меня слова, и я пытаюсь их собрать.

Записать.

Слова, которые я напишу сам себе.

История, за которую я буду драться.

Вот, она начинается...

Ночь, и я иду по городу своего воображения. По улицам и переулкам. Между стен, которые дрожат. Между домов, что ссутулились, руки в карманы.

Шагая по этим улицам, я время от времени чувствую, что это они идут сквозь меня. Мысли во мне текут, будто кровь.

Я иду.

Соображаю.

«Куда я иду?» – спрашиваю себя.

«Чего ищу?»

И все же не останавливаюсь, устремляюсь все дальше к неведомому месту в городских дебрях. Меня туда тянет.

*Мимо раненых автомобилей.
Вниз по тускло освещенной лестнице.
Пока не приду.
Я чувствую.
Знаю.
Знаю, что найду свое сердце в зашибленном тенями проулке, где-то в подворотнях этого
города.
У подножья лестницы кто-то ждет меня.
Пара горящих глаз.
Я сглатываю.
Сердце бьет меня.
И теперь я иду узнать, кто там...
Шаг.
Удар сердца.
Шаг.*

2

Наш старший брат Стивен Волф – из тех, кого называют «крутой черт». Он успешный. Он умный. Он целеустремленный.

Главное в Стиве – он ни перед чем не отступит. И это качество не только в нем. Оно и на нем, вокруг него. Его можно унюхать, ощутить. Голос у него твердый и размеренный, и все в Стиве как бы говорит: «Ты лучше мне не мешай». Разговаривает он вполне дружелюбно, но стоит кому-то попытаться его отодвинуть – не тут-то было. Если его кто-то обидит, можете смело ставить на кон все, что имеете: Стив оплатит вдвойне. Стив ничего не забывает.

А вот я с другой стороны.

В этом плане я совсем не такой, как Стив.

Я вроде как постоянно слоняюсь вокруг да около.

Вот этим занимаюсь.

Сам я думаю, это оттого, что у меня мало друзей или, строго говоря, нет друзей вообще.

Было время, я прямо рвался в теплую компанию. Хотелось, чтобы появилось несколько таких ребят, за которых я кровь готов проливать. Но этого так и не произошло. Когда я был поменьше, у меня водился приятель по имени Грег, отличный парень. Мы прям много чем вместе занимались. А потом как-то разошлись. Такое, думаю, происходит у людей постоянно. Ничего особенного. В определенном смысле я часть стаи Волфов, и этого довольно. Я ничуть не сомневаюсь, что пролил бы кровь за любого из своей семьи.

Где угодно.

Когда угодно.

Мой лучший друг – это Руб.

У Стива, наоборот, куча друзей, но ни за кого из них он не прольет кровь, потому что не верит, что они сделают это за него. В этом смысле он так же одинок, как и я.

Он одиночка.

И я одиночка.

Рядом с ним держатся какие-то люди, только и всего (люди – то есть друзья, конечно).

В общем, к чему я вам все это рассказываю: иногда, шатаюсь вечером по улицам, я заглядываю к Стиву на квартиру, что он снял примерно в километре от дома. Обычно так бывает, когда я не в силах стоять под окнами той девчонки, когда это слишком больно.

Симпатичная квартира у нашего Стива, на втором этаже, и у него есть девушка, которая с ним живет. Правда, ее не часто застанешь дома: по работе ее все время отправляют в командировки и всякие поездки. Мне она всегда казалась довольно милой – наверное, потому, что терпела меня, когда я заявлялся в гости и заставлял ее дома. Ее зовут Сэл, и у нее красивые ноги. От этого факта никуда не деться.

– Привет, Кэм...

– Привет, Стив.

Так мы говорим всякий раз, когда я прихожу, и Стив дома.

В этом ничем не отличался и вечер пивного льда. Я позвонил от дверей подъезда. Стив открыл. Мы сказали друг другу то же, что обычно.

Занятно, что со временем мы лучше научились разговаривать между собой. В первый раз мы просто сидели и пили черный кофе, без единого слова. Просто оба уронили взгляды в кофейные омуты и оставили голоса в немоте и беззвучности. Меня не покидала мысль, что Стив, может быть, имеет зуб на нас, остальных, потому что среди Волфов, по всему, он один успешный, во всяком случае – на сторонний взгляд. В смысле, у него вроде как была веская причина нас стыдиться. Я не знал, что думать.

В последнее время, поскольку Стив решил еще сезон отыграть за свою команду, мы даже ходили с ним на ближний стадиончик попинать мяч. (Или, по правде, Стив отрабатывал удары по воротам, а я откидывал ему дыню.) Мы приходили, он включал прожекторы, и, даже если было холодновато, и на земле блестел иней, а в легких топтался морозный воздух, мы подолгу оставались на поле. Когда все затягивалось допоздна, Стив даже подвозил меня домой.

Он никогда не спрашивал, как там наши. Ни разу. Он подходил конкретнее.

– Мама все гробит себя работой?

– Ага.

– У отца куча заказов?

– Ага.

– Сара все болтается, напивается, заявляется, воняя баром, куревом и коктейлями?

– Не, она от этого отошла. Все время на сверхурочной работе. Она путем.

– Руб все так же Мистер Движняк? Девчонка за девчонкой? Драка за дракой?

– Не, больше не найдется таких смельчаков, чтоб с ним драться. – Руб, несомненно, один из лучших бойцов в нашей части города. Он это доказал. Без счета раз. – Ну а насчет девиц ты прав, – подтвердил я.

– Еще бы. – Он кивнул, и тут-то наступил немного неуютный момент: дело доходило до вопроса обо мне.

Как Стив мог его задавать?

«Все так же без друзей, Кэмерон?»

«Все такой же беспросветно одинокий, Кэмерон?»

«Все так же слоняешься по улицам, Кэмерон?»

«Все такие же умелые руки под одеялом, Кэмерон?»

Нет.

Он неизменно уклоняется – как и в тот вечер, о котором я рассказываю.

Он спросил:

– А ты? – Вздох. – Справляешься?

– Ага. – Я кивнул. – А как же.

После этого повисло молчание, потом я спросил, с кем они играют на выходных.

Как я уже сказал, Стив решил еще сезон погонять мяч. Бывшие товарищи по команде умоляли его вернуться. Умоляли упорно, и в конце концов он уступил, и вот они пока не проиграли ни одного матча. Потому что Стив.

Тем вечером в понедельник мои слова все еще лежали у меня в кармане: я решил носить их с собой повсюду. Они оставались на том же мятом клочке бумаги, и я то и дело проверял, на месте ли он. Сидя у Стива, я на мгновение представил, как рассказываю ему про свои слова. Я увидел, услышал, почувствовал, как объясняю, что эти слова дают мне ощущение, будто я их стою, будто у меня все *ладно*. Но так ничего и не сказал вслух. Ни звука, хотя сидел и думал: «Вот что, кажется, бывает остро необходимо каждому. Все-ладно-сть. Все-путем-ность». Как стоять перед зеркалом и ничего не хотеть, ни в чем не нуждаться, потому что всё есть...

Так я себя и чувствовал с теми словами в руках.

Я кивнул.

Этим своим мыслям.

– Чего? – спросил Стив.

– Да не, ничего.

– Это точно.

Зазвонил телефон.

Стив:

– Алло.

Оттуда:

– Алло, это я.

– Кто «я»-то, блин?

Звонил Руб.

Стив это знал.

Я знал.

Хотя аппарат стоял на приличном расстоянии от меня, я понял, что это Руб: он громко разговаривает, особенно по телефону.

– Кэмерон там?

– Тут.

– На стадион собираетесь?

– Может. – На этом слове Стив посмотрел на меня, и я кивнул. – Пойдем, – ответил Стив в трубку.

– Я там буду через десять минут.

– Лады. Пока.

– Пока.

Втайне я, пожалуй, предпочел бы пойти со Стивом вдвоем. Руб всегда четкий, постоянно что-нибудь затевает, прикалывается, но, когда мы пинали со Стивом, мне нравился молчаливый накал, с которым все происходило. Мы могли не сказать вообще ни слова – и я, может быть, только лишь отпινывал мяч назад, крепко и без затей, и грязь и запах мяча шлепали мне в грудь – но я любил это чувство, мысль, что я причастен чему-то не сказанному и настоящему.

Нельзя сказать, что с Рубом не бывало похожих моментов. С ним у нас тоже хватало прекрасного. Просто, думаю, со Стивом такое приходилось по-настоящему заслуживать. Захочешь хоть крошку даром – будешь ждать вечно. Как я говорил раньше по другому поводу – потому что Стив.

Через несколько минут, пока мы спускались по лестнице, Стив сказал:

– После вчерашней игры до сих пор все ноет. Мне раз пять по ребрам припечатали.

Когда играет Стив, это вечная песня. Соперник всем силами старается покрепче приложить его об газон. Стив неизменно поднимается.

Мы стояли на тротуаре, поджидая Руба.

– Привет, ребята.

Руб слегка пыхтел от пробежки. Его густые жесткие кудри чересчур, недопустимо красивы, хотя и острижены сильно короче прежнего. Одет Руб был только в фуфайку, обрезанные треники и кроссы. У него изо рта от холода пар шел.

Мы двинули в сторону стадиона, и Стив был всегдашним собой. В тех же старых джинсах, в которых обычно ходил на тренировки, в байковой фуфайке. В кроссовках. Глаза находят цель, размечают путь, а волосы у него темные, волнистые и смотрятся лихо. Высокий, резкий – парень того самого типа, с которым хочется идти по улице.

Особенно в городе.

Особенно в темноте.

И вот я.

Может, чтобы лучше всего описать, как я выглядел в тот вечер, нужно еще разок взглянуть на моих братьев. Оба шли уверенно. Руб в таком беззаботном ключе: *что б ни случилось, я всегда наготове*. Стив: *как-ни-пыжъся-мне-ты-ничего-не-сделаешъ*.

Мое лицо было обычным – для меня. Взгляд цепляет много всего, но лишь ненадолго, в итоге я бросаю его на собственных ботинках, а те идут дорожкой слегка под горку. Вихры торчат. Кудрявые и ершистые. На мне такая же фуфайка, как на Рубе (только чуть более застиранная), старые джинсы, ветровка, боты. Я говорил себе: пусть мне никогда не выглядеть, как братья, но *что-то* есть и во мне.

В кармане я нес слова.

Может, это и было мое «что-то».

Слова, да еще знание, что я тысячу раз проходил по здешним улицам в одиночку и теперь эти дороги чувствую, как никто другой: словно иду сквозь самого себя. В общем, не сомневаюсь, было, как было – скорее ощущение, чем вид.

На стадионе Стив бил по воротам.

Руб бил по воротам.

Я откидывал им мяч.

Когда бил Стив, мяч круто шел вверх и на подъеме пролетал в рамку. Ровно, куда надо, и на излете врезался мне в грудь плотным, вышибающим дух тараном. Мячи Руба, наоборот, вертелись и закручивались, шли низко и тяжело, но все равно ложились в рамку. Каждый раз.

Они били отовсюду. Прямо. Издалека. Даже из-за края поля.

– Эй, Кэм! – крикнул мне Руб в какой-то момент. – Иди пни!

– Не, чувак, я тут.

Они меня все равно уговорили. Двадцать ярдов до ворот и двадцать ярдов влево. Я подошел к мячу с дрожью в сердце. Шаркнул ногами, ударил, и мяч полетел к рамке.

Он заваливался.

Вертелся.

А потом ткнулся в правую штангу и отскочил на траву.

Тишина.

Стив заметил:

– Хороший удар, Кэмерон. – И мы помолчали втроем, стоя во влажной, слезной траве.

Была четверть девятого.

В половине девятого смылся Руб, и я пробил еще семь раз.

Миновала половина десятого, Стив все еще стоял за воротами, а я все еще ни разу не попал в цель. В небе густели клубы темноты, и остались только мы со Стивом.

Всякий раз, когда он откидывал мне дыню, я высматривал в нем какой-нибудь знак недовольства, но так и не увидел. Будь мы помладше, он мог бы назвать меня бестолковым. Безнадежным. Но в тот вечер он лишь отпινывал мне мяч и ждал нового удара.

И когда мяч наконец, тяжело взлетев, прошел между штангами, Стив поймал его и встал с мячом в руках.

Ни улыбки.

Ни кивка, никакого признания вообще.

Пока.

Вскоре он зашагал ко мне с мячом подмышкой и, подойдя ярдов на десять, кинул на меня недвусмысленный взгляд.

Глаза смотрели на меня по-новому.

Лицо у него словно бы разбухло.

И тут.

Я никогда не видел, чтобы лицо у человека раскололось, как тогда у Стива.

От гордости.

Появляется пес

Я подкрадываюсь ближе, навстречу горящим глазам, которые прежде видел у себя внутри.

В городе холодно и темно.

Проулок залит немотой.

Небо опускается. Темное небо, темное.

Вот я и там, ярдах в пяти от зверя, что неотрывно смотрит на меня. Глаза привыкают к темноте, и зверь проявляется весь, припавший к земле.

Вижу его глаза.

Жесткую свалявшуюся ржавую шерсть.

Дыхание.

С шумом и паром.

Медленно подхожу поближе.

Близко-близко.

Я подхожу вплотную, и пес вскидывается на лапы и обходит меня, настороженный. Голова опущена, но он пытается ее поднять.

Заходит мне за спину и оборачивается, смотрит на меня.

– Что? – спрашиваю я.

Хотя и так знаю.

Мне нужно идти за ним.

Шаг за шагом он ведет меня теми же улицами обратно к стадиону. Он движется с какой-то, иначе не могу сказать, рваной грацией.

И вот.

Там, в какой-то точке на стадионе.

На мокром от росы поле.

Он останавливается и садится, и город вокруг, кажется, умер.

Мне нравятся эти глаза.

В них стремление.

3

Педик. Голубец. Дрочила.

В нашем районе это обычные слова, когда хотят *качнуть понт*, обозвать или просто унижить. А еще каким-то из этих слов плюются, если ты хоть в чем-то не таков, как обычные заурядные ребята с округи. Или если ты кого-то нечаянно разозлишь, и тот не придумает ничего лучшего. Думаю, так оно повсюду, но за другие места не могу поручиться. Единственное мне известное место – это здесь.

Вот этот город.

Эти улицы.

Вы скоро поймете, к чему я об этом завел...

В четверг той недели я решил пойти постричься, а это всегда довольно рискованное решение, особенно когда волосы у тебя торчат так упрямо и неизлечимо, как у меня. Только молишься, чтобы стрижка не кончилась трагедией. Надеешься вопреки всему, что парикмахер не пропустит мимо ушей все указания и не нашинкует твою голову мелкими кубиками. Но на этот риск приходится идти.

– Пр-ивет, дружище, – сказал цирюльник, когда я, забурившись поглубже в город, приглядел себе парикмахерскую, – Садись, я скоро.

В замызанном холле лежала изрядная куча журналов, хотя, глянув на обложки, всякий понял бы, что эта кipa пылится на столе не первый год. Там были «Тайм», «Роллинг стоун», что-то про рыбалку, «Ху уикли», какой-то компьютерный, «Блэк энд уайт», «Серфинг лайф» и вечная любовь – «Инсайд спорт». Само собой, в этом журнале самое приятное – не спорт, а едва прикрытая женщина, выставленная на обложку. Она обязательно упругая, а в глазах у нее призыв. Купальник маленький и изящный, ноги длинные, красивые и загорелые. А груди такие, что только мечтать потрогать и помять (прошу прощения, но вот так). Бедра у нее невероятно стройные, золотистый плоский живот, шея только мечтать присосаться. Губы обязательно пухлые и жадные. А в глазах написано: «Возьми меня».

Она всегда сногшибательна.

Безупречно сногшибательна.

Ты себе напоминаешь, что внутри журнала могут быть интересные статьи, но сам знаешь, что это брехня. В смысле, хорошие статьи там, конечно, есть, но черта с два ты взял «Инсайд спорт» из-за них. Только из-за женщины. Только. Уж поверьте.

Поэтому обычно я озирался кругом, убеждался, что никто не смотрит, брал «Инсайд спорт», быстро распахивал и притворялся, будто просматриваю оглавление, в поиске интересных статей. А сам (вполне предсказуемо) сверялся, на какой странице будет женщина с обложки.

На семьдесят шестой.

– Давай, приятель, – сказал парикмахер.

– Я?

– Так вроде никого больше нет, а?

«Да, но ведь, – думал я растерянно, – я еще не добрался до страницы семьдесят шесть».

Все прахом.

Парень изготовился стричь, и уж кого не стоит заставлять ждать – это чувака, который собирается тебя обкорнать. Он всевластен. Строго говоря, он мог бы с равным успехом быть Господом Богом. *Такая* вот у него власть. Несколько месяцев парикмахерских курсов, и вот этот человек становится на десять-пятнадцать минут самой важной персоной в твоей жизни. Золотое правило: не нервничай его, не то расплатишься по полной.

Я в тот же миг кинул журнал на стол, обложкой вниз, чтобы парикмахер не увидел сразу, какой я извращенец. Ему это удастся только потом, когда станет наводить порядок на столе.

Сидя в кресле (а это почти так же опасно, как на электрическом стуле), я раздумывал про всю эту ситуацию с женщиной на обложке.

– Коротко? – спросил цирюльник.

– Не, не очень, если можно. Я хочу немного отпустить, чтобы они не торчали постоянно.

– Легко сказать, ага?

– Ну.

Мы обменялись взглядами взаимной приязни, и мне стало гораздо легче под обстрелом ножниц, кресла и парикмахера.

Он принялся стричь, а я, как сказал минуту назад, размышлял об обложках с красотками. На их счет у меня была, и сейчас есть, своя теория: меня, конечно же, возбуждает плотская сторона женщины. Но все же я искренне верю, что моя похоть – это лишь поверхность моей натуры, а в ее недрах, глубоко под поверхностью живет куда более острое желание сделать женщине приятно, быть кавалером и хмелеть от ее души.

Я искренне в это верю.

Искренне.

Однако, нужно было бросить раздумья и поболтать с парикмахером. Таково еще одно правило посещения цирюльни. Если говоришь с мастером и сумеешь ему понравиться, может, он и не напортачит. Ну можно на это надеяться. Не обязательно тебя ждет немедленный успех, но повлиять может, так что пробуешь. В мире брадобреев никаких гарантий не бывает. Тут решает случай, что бы ты сам ни думал по этому поводу. Нужно было завязывать разговор – и поскорее.

– Как вообще бизнес? – спросил я, пока чувак прорубался сквозь чащу моих звериных волосьев.

– Эх, знаешь, приятель. – Он на миг бросил стричь и улыбнулся мне в зеркало. – По-разному. Держусь на плаву. Это главное.

Потом мы еще немного поболтали, и он рассказал мне, сколько лет работает в городе, как сильно изменились люди. Со всем, что он говорил, я соглашался или опасным кивком головы или негромким «Да, наверное, так». Сказать по правде, он был довольно клевый мужик. Дородный. Косматый. С хриплым голосом.

Я спросил, не над парикмахерской ли он и живет, и он ответил:

– Да, последние двадцать пять лет.

Тут мне стало его слегка жаль: я представил, что он никуда не ходит и ничем не занимается. Стрижет. Ужинает в одиночестве. Может, из микроволновки (хотя его ужины вряд ли могли быть хуже тех, что нам готовила миссис Волф, благослови ее Бог).

– Можно спросить, вы были женаты? – спросил я его.

– Конечно, можно, – ответил он. – Женат был, но несколько лет назад она умерла. Я хожу на могилу каждые выходные, но не ношу цветов. Не разговариваю. – Он негромко вздохнул – рассказывал без всяких ужимок. Просто. – Хочется верить, что этого ей хватало при жизни, понимаешь?

Я кивнул.

– Мертвым это уже ни к чему. Это нужно делать, пока вы оба живы.

Он уже несколько секунд не стриг, и я мог без опаски кивать и кивать. И я спросил:

– Ну а что вы делаете, когда приходите на могилу?

Он улыбнулся.

– Вспоминаю. Что ж еще.

«Красиво», – подумал я, но вслух не сказал. Только улыбался через зеркало мужику за спиной: я представил, как он, большой, косматый, стоит над могилой, зная, что делал все,

как нужно. И представил еще себя рядом с ним, в ненастный серый день. Его – в белом парикмахерском халате. Себя – как обычно. Джинсы. Фуфайка. Ветровка.

– Ну как? – спросил он в моем видении.

– Ну как? – спросил он в парикмахерской.

Я очнулся и ответил:

– Отлично, спасибо большое, все классно.

Хотя знал, что через сорок восемь часов вихры опять будут торчать, как захотят. А все равно был доволен и не только стрижкой. Разговором тоже.

Стоя посреди собственных волос, я отдал ему двенадцать долларов и сказал:

– Большое спасибо. Приятно с вами поговорить.

– Взаимно.

Большой косматый парикмахер улыбнулся, и мне стало стыдно за журнал. Оставалось лишь надеяться, что он поймет про разные слои моей натуры. Ведь он, в конце концов, парикмахер. У парикмахеров есть все ответы, как управлять страной – так же как у таксистов и кошмарных радиожурналистов. Я еще раз поблагодарил и распрощался.

Вышел на улицу, и был еще ранний вечер, так что: «Почему бы нет? – сказал я себе. – Можно и в Глиб».

И ни к чему договаривать, что я туда оправился и стоял под окнами той девчонки.

Стефани.

Смотреть, как за плечами города оседает солнце, оттуда не хуже, чем из любого другого места, и, потоптавшись, я уселся под стеной и снова стал думать про парикмахера.

Важно вот что: мы с этим парнем делали одни и те же вещи, но в обратном порядке. Он вспоминал. А я предвкушал. (Признаю, мечтательное, почти смехотворное предвкушение.)

Стемнело, и я решил, что пора домой, к ужину. Там, я думал, будут остатки стейка с овощами, разваренными до беспамятства.

Я поднялся.

Сунул руки в карманы.

Поглядел, понадеялся, пошел – в этом порядке.

Понимаю, что убого, но, видимо, такова была моя жизнь. Какой смысл отпираться.

Двинув оттуда, я понял, что засиделся допоздна, и решил ехать домой на автобусе.

На остановке немного народа. Мужик с портфелем, непрерывно курившая тетка, парень – с виду рабочий или плотник, и парочка, которая обнималась и целовалась в ожидании автобуса.

И я не мог удержаться.

Я на них глазел.

Не в открытую, конечно. Так, бросал взгляды.

Проклятье.

Меня заметили.

– Чего уставился? – Парень злобно ткнул в меня словами. – Заняться больше нечем?

Нечем.

И нечем было мне ответить.

Нечем вообще.

– Ну?

Все равно нечем.

Тут и девчонка напустилась:

– Иди на кого другого пялься, трехнутый. – У нее были светлые волосы, зеленые глаза, обжатые светом фонаря и голос, как тупой нож. И она пырнула меня им: – Дрочила.

Типичный случай.

Этим словом обзывают на каждом шагу, но в тот раз оно меня задело. Думаю, задело потому, что от девчонки. Не знаю. Но, в общем, было довольно погано, что до этого дошло. Даже автобуса ждать мирно у нас не получается.

Знаю, знаю. Нужно было огрызнуться, да позлее, но я не стал. Не мог. Вот тебе и по-Волфчи, ага. Вот тебе и дикий пес, которым я раньше был. Я только бросил на них еще один быстрый взгляд, чтобы понять, собираются ли они отполировать свой наезд еще какими-нибудь словечками.

Парень тоже был светлый. Не дылда, но и не коротышка. В темных штанах и ботах, черной куртке, с глумливой рожей.

Между тем, мужик с портфелем глянул на часы. Дымыльщица прикурила новую сигарету. Рабочий переступил с ноги на ногу.

Больше слов не было, но, когда пришел автобус, все ломанулись, и я оказался последним.
– Извините.

Я вошел и хотел расплатиться, но водитель сказал, что цена недавно поднялась, и у меня не хватает на билет.

Я вылез, досадливо усмехаясь, и застыл на тротуаре.

Автобус был почти пустой.

Я двинул по улице, и видел, как он отчалил и поволокся по улице. Мысли заковыляли у меня в голове, в том числе:

- сильно ли я опоздаю к ужину;
- спросят ли меня, где я бродил;
- позовет ли отец нас с Рубом помогать в субботу;
- выйдет ли когда-нибудь девушка по имени Стефани и увидит ли меня (знает ли она вообще, что я там торчу);
- сколько времени понадобится Рубу, чтобы отделаться от Октавии;
- вспоминает ли Стив нашу переглядку в понедельник на стадионе так же часто, как я;
- а как там дела у Сары (мы давненько не разговаривали);
- огорчаю ли я миссис Волф, знает ли она, что я вырос таким неприкаянным;
- как там сейчас парикмахер над парикмахерской.

А еще я понял на ходу, а потом – на бегу, что у меня нет даже никакой злости на парочку, которая меня обзывала. Я понимал, надо разозлиться, но нет. Временами мне кажется, что мне не помешало бы побольше дворняжки в крови.

Кладбище

Идем дальше, но пес по-прежнему держится на расстоянии. Без слов. Без вопросов.

Он ведет меня прочь – из города, в темноту, которая поначалу пахнет бедой. Но мы подходим ближе, и я понимаю: то, к чему мы идем, вовсе не беда. Это смерть.

Обычная тихоня смерть, во всей ее терпеливости.

Мы останавливаемся под угольно-черным небом, и я понимаю, что передо мной кладбище человечества. Здесь каждый, кто когда-то жил и умер, и каждый, кому предстоит жить и умереть. Мы все тут. До единого.

Пес замирает.

Голова его висит.

Она всегда висит. Можно сказать, болтается.

Могилы, насколько хватает глаз: бесконечность смерти.

Мы идем между ними, пока пес не замечает женищницу, неподвижно стоящую у надгробья.

У нее в руках ни цветов, ни речей.

*Человек вспоминает, вот и все.
Завидев нас, она бросает последний взгляд на могилу и уходит.
А мы подходим.
Опустив головы, туда, где она стояла.
Мы подходим, и я читаю имя на плите. Там какие-то слова, которых никак не разоб-
рать, и даты, которых я не могу прочесть.
Четко вижу только имя:
КЭМЕРОН ВОЛФ.
Надеюсь, это правда.*

4

– Эта псина – сплошное позорище, – сказал Руб, и я понял, что есть вещи, которые никогда не меняются. Вроде уходят, но возвращаются.

После той истории на остановке я вернулся домой, и после ужина мы с Рубом повели на обычную прогулку Пушка, соседскую собачку-козявку. Как всегда, мы накинули капюшоны, чтобы никто не узнал, потому что, говоря словами Руба, такая картина, как этот Пушок, – полный кошмарик.

– Когда Кит станет будет новую собаку, – заметил Руб, – скажем, чтобы выбрал ротвейлера. Или добермана. Ну или хоть какую-нибудь, с которой не стыдно показаться на люди.

Мы остановились на перекрестке.

Руб наклонился к Пушку.

Сладеньким голосом заворковал:

– А ты мелкий уродец, Пушок, а? Уродец? Уродец. Ты уродец, ты в курсе? – И псина облизнула губы и довольно запыхтела. Если б он только понимал, что Руб его обложил с ног до головы. Мы перешли улицу.

Мои ноги шаркали.

Ноги Руба танцевали.

Пушок скакал, и поводок-цепочка звенела в такт его пыхтению.

Разглядывая его сверху, я понял: тело у него крысиное, а вот шуба на нем – что-то непостижимое уму, иначе не скажешь. Как будто он тысячу оборотов прокурился в центрифуге. Засада была в том, что мы, вопреки всему, полюбили эту животину. Даже в тот вечер после прогулки я ему скормил кусок стейка, не доеденный Сарой за ужином. Вот незадача, мясо оказалось жестковато для Пушковых малюсеньких зубиков, и бедняга чуть не подавился.

– Итить твою, Кэм, – смеялся Руб, – ты что, уморить хочешь бедного уродца? Он ща задохнется.

– Я думал, разжует.

– Разжует, черта лысого. Ты глянь. – Руб махнул рукой. – Глянь!

– И что делать? – спросил я.

У Руба возникла идея.

– Может, тебе достать у него из пасти, *пожевать* и отдать?

– *Что?* – Я посмотрел на Руба. – Хочешь, чтобы я *пожевал*?

– Точно.

– *Сам*, может, пожуешь?

– Ну щас.

В общем, мы фактически оставили Пушка давиться. Уже было ясно, что все обошлось.

– Это закалит его характер, – изрек Руб, – ничто так не укрепляет волю собаки, как хороший кусок, застрявший в горле.

Мы вместе увлеченно смотрели, как Пушок справляется со стейком.

Когда он доел и мы убедились, что угроза гибели от непрожева миновала, мы отвели его домой.

– Надо просто швырять его через забор, – сказал Руб, но мы оба знали, что никогда так не сделаем.

Тут немалая разница: смотреть, как собака чуть не сдохла, подавившись, или швырять ее через забор. Ну и кроме того, наш сосед Кит был бы от такого очень не в восторге. А он умеет быть довольно противным, этот Кит, особенно если дело касается его дражайшего песика. Нипочем не подумаешь, что такой жесткий мужик может завести такого пушистика, но, я почти не сомневаюсь, он все валит на жену.

Представляю, как он говорит друзьям в пабе: «Это собачка жены. Повезло, что соседские пацаны-оболтусы ее выгуливают: их мать заставляет». Он иногда лютует, но вообще-то нормальный мужик, этот Кит.

Кстати о жестких мужиках: оказалось, отец хотел-таки, чтобы мы ему помогли в ближайшую субботу. Сейчас он нам очень неплохо платит и кажется вполне довольным. Недавно, как я уже говорил, он сидел без работы и ходил прям несчастный, но сейчас с ним работать – просто радость. Иногда мы на обед идем в кафе, едим рыбу в тесте, а бывает, играем в карты на отцовском замызганном красном «эскимоснике», но это все только если мы вкалываем, как кони. Клифф Волф – фанат конского вкалывания, и, если честно, мы с Руб тоже. А еще мы были фанатами рыбы в тесте и карт, хотя выигрывал обычно старик Клифффорд. Или выигрывал, или игра слишком затягивалась, так что он ее прекращал. Есть ситуации, где ничего не поделаешь.

Я еще не сказал вам, что у Руба водилась и другая работа. В прошлом году он закончил школу и, несмотря на кошмарные оценки на экзаменах, поступил учеником к плотнику.

Помню, как он принес эти оценки.

Он раскрыл конверт возле нашей покосившейся разболтанной калитки.

– Ну, как? – спросил я.

– Ну-у, Кэм... – Он улыбался, словно был доволен собой на сто двадцать процентов. – Могу сказать в двух словах. Первое слово «полный». Второе – «кабздец».

И все равно он нашел работу.

Сразу же.

Это же Руб.

И ему не было нужды работать на отца по субботам, но он почему-то все равно работал. Может, из уважения. Раз отец просит, Руб делает. Может, не хотел, чтобы его считали лентяем.

Не знаю.

Ну, так или иначе, в ту субботу мы работали со стариком Волфом, и он разбудил нас ни свет ни заря. До солнца.

Мы ждали, пока батя выйдет из туалета (а он обычно оставлял его в ужаснейшем состоянии – в плане запаха), и решили с утра пораньше перекинуться в карты.

Пока Руб тасовал и раздавал на кухонном столе, я вспомнил, что было, когда мы решили сыграть за завтраком, несколько недель назад. Идея-то была неплохая, да вот я умудрился разлить свои хлопья на всю колоду, потому что еще наполовину спал. И вот даже теперь на карте, которую я откинул в отбой, обнаружились присохшие хлопья.

Руб взял карту.

Рассмотрел.

– Ха.

Я:

– Знаю.

– Убогий ты.

– Знаю, – тут только согласиться и оставалось.

Послышался звук смываемой воды, потом пошумел кран, и папаша вышел из ванной.

– Идем?

Мы закивали и стали собирать карты.

На работе мы с Рубом рыли землю, как черти, болтали и смеялись. Признаю, с Рубом всегда здорово похихотать. Он рассказывал про одну прежнюю подружку, которая любила жевать ему уши.

– Ну пришлось ей купить, блин, жвачки, а то бы щас ходил без ушей.

«Октавия», – подумал я.

Я задумался, какую историю он расскажет о ней через месяц-другой, когда у них все закончится и уплывет за поворот. Ее внимательный взгляд, растрепанные волосы, обычные ноги с изящными ступнями. О каких ее причудах Руб расскажет, интересно. Может, она требовала, чтобы в кино он клал ладонь ей на бедро, а может любила просовывать пальцы ему в кулак. Я не знал.

Все получилось быстро.

Я открыл рот.

И спросил.

– Руб?

– Чего?

Он бросил рыть и посмотрел на меня.

– Сколько еще у тебя с Октавией?

– Неделю. Может, две.

Мне оставалось лишь рыть дальше, а день не спеша поплыл мимо.

На обед – рыба, жирная и вкусная.

Картошка – покропленная солью и пропитанная уксусом.

За едой отец просматривал газету, Руб взял у него телепрограмму, а я стал писать новые слова в уме. Карты на тот день закончились.

Вечером миссис Волф спросила, как у меня дела в школе, и я вернулся к своим недавним мыслям о том, были ли у матери причины в последнее время расстраиваться из-за меня. Я доложил ей, что в школе все путем. Какую-то секунду я раздумывал, не сказать ли кому-нибудь про слова, которые стал записывать, но нет, я не мог. В каком-то смысле это было *стыдное*, что ли, хотя только эти мои записи и шептали мне на ухо, что все идет как надо. Я не признавался – никому.

Мы вместе прибрались на кухне, пока объедки от ужина не задубели, и ма рассказала мне про книгу, которую читала тогда, под названием «Мой брат Джек»¹. Она сказала, что книга про двух братьев, и как один из них вырослел и при этом все досадовал на то, как он живет и каков он сам.

– Придет время, ты расцветешь, – были ее предпоследние слова. – Только не суди себя слишком строго. – А эти – последние.

Она ушла, я остался на кухне один и понял, что миссис Волф великолепна. Не в смысле блестящий ум или что-то другое блестящее. А великолепна вообще, тем, что она такая, как есть, и даже морщинки вокруг ее постаревших глаз были разных оттенков доброты. Вот отчего она была великолепна.

– Привет, Кэмерон. – Это попозже ко мне заглянула Сара. – Ты как насчет сходить завтра к Стиву на игру?

– Давай, – ответил я. Делать мне все равно было нечего.

– Отлично.

В воскресенье Стиву предстоял очередной матч, но на другом стадионе, где-то в районе Марубры. Ехать решили только мы с Сарой. Зашли к Стиву, и он повез нас на своей машине.

На том матче произошло кое-что важное.

Цвет доброты

Мы возвращаемся с кладбища обратно в город, и ночь все еще в самом начале.

¹ «My Brother Jack» (англ.) – роман с элементами автобиографии австралийского писателя Джорджа Хенри Джонстона (1912–1970), классика австралийской литературы XX века. Первая часть трилогии о Дэвиде Мередите (на русский язык не переведена). – *Примеч. ред.*

Мы идем, спотыкаясь, и я думаю о цвете доброты, осознавая, что ее краски и оттенки на человеке не рисуются. Они въедаются.

Пес бросает на меня взгляды.

Он знает мои мысли.

Скоро он опять останавливается, и перед нами здание, взмывает в небеса.

У него стеклянные двери, будто темные зеркала, и мы стоим подле.

Пес влаивает.

Дерзко и басовито, заставляя меня всмотреться в отражение. Так нужно.

Я пристально смотрю на себя самого и вижу цвета неуклюжести, неуверенности и тоски.

И впервые в жизни я не отворачиваюсь, махнув рукой. Я ныряю в них, чтобы почувствовать их силу.

Я готов.

Пробраться сквозь них.

5

По дороге к Стиву я раздумывал, что же, бляха-муха, собирается делать в жизни моя сестра Сара. Мы шли по улице, и большинство встречных мужиков разглядывали ее. Многие, миновав нас, оборачивались взглянуть на ее фигуру еще разок. Похоже, для них Сара только этим и была. От таких мыслей мне становилось немного тошно (и не хотелось разговаривать), и я надеялся, что на самом деле Саре светит не такая жизнь.

– Извращенцы долбаные, – сказала Сара.

И это меня обнадежило.

Дело в том, что, по-моему, мы все – извращенцы. Все мужчины. И все женщины. И все страдалыцы-малолетки вроде меня. Забавно думать, что мой папаша тоже извращенец, или что мать. Но ведь где-то в расщелинах души они, я уверен, было дело, поскальзывались, а то и ныряли охотно. Что до меня, так временами мне кажется, я там и живу. Может, все мы так. Может, одно прекрасное в моей жизни только и есть – карабканье на свет.

Стив, как всегда, спустился к нам махом, едва мы появились. Он сидел на балконе, поднял голову и в следующее мгновение стоял рядом с нами с ключами в руке. Стив ни разу в жизни никуда не опоздал.

Он закинул сумку со снарягой в багажник, и мы покатили.

Ехали по Кливленд-авеню, которая вечно подзабита, даже в воскресенье, и радио у Стива молчало. Нас подрезали, автобусы перед носом отваливали от бровки, но Стив не раздражался. Ни разу не нажал на сигнал, не выругался. Он не видел в этом смысла.

Здорово, что я в тот день поехал на стадион. Здорово было посмотреть на Стива и наблюдать, как он себя ведет. Слова, которые я стал записывать, не только заставили меня по-новому чувствовать и видеть мир: от них я стал любопытнее. Мне хотелось видеть, как люди двигаются, как говорят и как реагируют друг на друга. Стив был прекрасным объектом для изучения.

Поле огородили веревкой, и оттуда, где мы с Сарой стояли, я видел, как Стив подошел к своим. Каждый из них посмотрел на Стива и сказал пару слов. Только один или двое поговорили с ним дольше. Стив не смешался с общей кучей, и было ясно, что он ни с кем там не в близкой дружбе. Ни с одним человеком. И все равно он им нравился. Его уважали. Захоти он, смеялся бы с ними, и все бы ему заглядывали в рот.

Но это сейчас не имело значения.

Для Стива – не имело.

Другое дело в игре: когда он просил мяч, ему отдавали. Когда нужно было проверить что-то важное, Стив проворачивал. В легких играх звездил другие, но, когда приходилось круто, вывозил Стив, даже если вывозить приходилось в одиночку.

Команды изготавились, из-под обоих навесов много вопили и дурачились, и вот игроки выбежали на поле. Стив в своей команде был капитаном, и, как я и думал, на поле он разговаривал заметно больше. Он никогда не орал. Я только видел, как он что-то поясняет другим игрокам или говорит, что делать. И все слушались.

В три часа игра началась.

Народу на стадионе было прилично, большинство дули пиво или жевали хот-доги, а часто – и то и другое вместе. Многие орали, роняя изо рта крошки еды и слюну.

Как часто бывает, в первые минуты матча возникла свалка, в которой Стив не участвовал. Какой-то чувак подскочил и ударил Стива куда-то в область горла, и все кинулись в драку. Плюхи шлепались в мясо, кулаки кровавились о зубы.

Стив поднялся и отошел в сторону.

Согнулся.

Сплюнул.

Потом выпрямился, пробил штрафной и помчался по полю хлеще прежнего.
Его имя выкликали постоянно.

– Волф! Держи Волфа!

Каждый раз блокировать его посылали нескольких, чтобы уж точно приложить, как следует.

Каждый раз Стив поднимался и продолжал игру.

Мы с Сарой улыбались, когда Стив несколько раз прорывался сквозь защиту, и с его подачи забивали голы. К перерыву его команда уже хорошо вела в счете. Важное событие этого дня произошло в конце второй половины игры.

Небо было темно-серое, собирался дождь.

Люди ежились от холода.

Скользкий ветер тек по воздуху.

Позади гоняли мяч детишки, с застывшим в уголках ртов томатным соусом и коростой на коленках.

Стив готовился пробить штрафной с самого что ни на есть дальнего расстояния – с точки прямо возле трибуны болельщиков чужой команды.

Они дразнили его.

Обзывали.

Кричали, что он – ноль.

Когда он разбежался, в него бросили банку с пивом. Пиво выплеснулось, банка прилетела Стиву в скулу.

Он остановился.

На полушаге.

Замер.

Неторопливо поднял банку и оглядел. Повернулся к компании, ее бросившей, мгновенно притихшей, и, не удостоив ее вторым взглядом, аккуратно опустил банку на землю, в сторонке, и вернулся на исходную позицию.

Толпа во все глаза смотрела, как Стив разбежался и ударил.

Мяч взмыл вверх и спланировал прямо в рамку, а Стив обернулся и посмотрел на тех людей. Он несколько секунд не отводил глаз, а потом побежал в игру, оставив пивную банку, полупустую и растерянную, скучать у боковой линии.

Наблюдая конец этого происшествия, я не мог не обратить внимания на то, что взгляд у Стива вовсе не был гневным. Скорее уж удивленным. Он мог сделать все, что его душе было угодно. Сказать любые слова. Плюнуть в тех ребят или швырнуть в них той же банкой.

Но все это легко бы могли сделать и *они*.

Но никакими судьбами они не могли бы просто заново разбежаться, пробить, положить дыню в самую середину рамки и потом поглядеть, как бы говоря: «Ну? Есть еще что сказать?»

Вот так он их и уделал.

Так он и победил.

Он сделал единственное, чего не могли эти.

Едва я это понял – улыбнулся, и даже засмеялся, отчего рассмеялась и Сара, и только мы одни и смеялись в тот миг на всем стадионе. Для остальных продолжалась игра.

Игра продолжалась, дождь никак не начинался, команда Стива выиграла с огромным разрывом.

После матча Стив попрощался со своими, сказав, что, может, присоединится к после-матчевой пирушке, хотя все понимали, что он туда не пойдет. Они понимали. Стив понимал. Я понимал. Мы поедем домой.

Молчания на обратном пути было больше всего, и не знаю, как Стив и Сара, а я все не мог перестать думать про ту пивную банку. Я снова и снова видел, как мяч пропархивает

через рамку, довольный блеск в глазах у Стива. И даже когда Сара, потянувшись к приборной панели, включила радио и стала подпевать, в моей голове громче всего говорило воспоминание о том взгляде. Сейчас, когда Стив вел машину, у него было такое же лицо, как в тот момент, и по какой-то странности я решил, что и он вспоминает свой штрафной. Я даже ждал, что он улыбнется, но этого не произошло.

Напротив, мы сидели тихо, серьезные, до самого нашего дома.

– Спасибо, – сказала Сара.

– Да не за что. Спасибо, что пришли.

Я уже вылезал из машины, и вдруг Стив меня удержал.

Он удержал меня своим «Кэм?».

– Да?

Он смотрел в зеркало, и я видел его глаза, пока он со мной говорил.

– погоди минутку.

Такого еще никогда не случалось, и я не знал, чего ожидать. Расскажет он мне, что означал его взгляд, или каково это было выставить тех ребят полными болванами? Или научит меня, как быть победителем?

Конечно, нет.

Или по крайней мере не так.

Он говорил, взгляд – открытый и мягкий, и я удивлялся собственным чувствам к Стивену Волфу.

– Когда мне было, сколько сейчас тебе, – сказал он, – меня отлупили четверо. Отвели за дом и избили, за что – я так и не знаю. – Он секунду помолчал, он нисколько не волновался. Не скармливал мне слезливую историю о том, как его ненавидели другие ребята, и оттого он вырос, каким вырос. Он просто рассказывал случай. – И вот, когда я там валялся, в разобранном виде, я поклялся, что каждый из них получит свою долю того, что они вместе устроили мне. Я повторял это про себя и думал, как и что нужно сделать. Каждое утро и каждый вечер, и когда понял, что готов, я выловил их по одному и отделал будь здоров. После того, как я рассчитался с троими, четвертый попытался пойти на мировую. – Взгляд у Стива заострился, обратился вглубь. – Я отметелил и его – даже круче тех троих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.